

ВопросыTM ЭКОНОМИКИ

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

Теория экономического поведения:
в поисках новой парадигмы

Финансовая экономика

Реформа высшего образования в России

5

2 0 1 4

◆

**XIII «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
О МЕТОДОЛОГИИ,
ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

«Леонтьевские чтения», организуемые Международным центром социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург) и Правительством Санкт-Петербурга, привлекают ведущих исследователей в разных областях экономической науки. Это доказали и очередные Чтения, состоявшиеся 14–15 февраля 2014 г. в Санкт-Петербурге.

На конференции Международная медаль им. В. В. Леонтьева за вклад в реформирование экономики за 2013 год была вручена бывшему председателю Банка России Сергею Игнатьеву и бывшему президенту Чехии Вацлаву Клаусу.

Все доклады на конференции можно разделить на три направления. В рамках первого направления «Экономические учения: методология, история и современность» выступил профессор МГУ им. М. В. Ломоносова А. Шаститко с докладом о методологическом статусе новой институциональной экономической теории (НИЭТ). НИЭТ отличается от традиционного институционализма, который характеризуется широким и неунифицированным определением институтов, в его рамках не обязателен сравнительный анализ институтов как дискретно-структурных альтернатив (ДСА). Неоавстрийская теория наиболее близка к НИЭТ. В рамках неоклассики нельзя проводить анализ ДСА, поскольку фирма выступает как производственная функция, а организация в целом — как «черный ящик». Однако возможна модернизация неоклассики путем ее интеграции с НИЭТ (пример — модель «неполных контрактов»).

НИЭТ как нормальная исследовательская программа носит комплексный характер и объединяет несколько подпрограмм, существенно различающихся способами формулирования и проверки гипотез. НИЭТ дает новое понимание экономической теории, позволяет избежать догматизма и методологического нигилизма.

Профессор НИУ ВШЭ А. Заостровцев (Санкт-Петербург) сравнил трактовки истории экономистами — Д. Лалом, Д. Нортон, Л. фон Мизесом и Д. Макклоски. Первым ключевую роль идей в истории отметил Мизес, который считал, что технологический прорыв не возможен при сохранении традиционных идеологических стереотипов и верований. Наиболее последовательно идеи Мизеса в отношении истории развивала Макклоски, для которой в прорыве человечества к инновациям и устойчивому экономическому росту риторика (слова, идеи) важнее, чем материальные причины.

Директор Института Мизеса Я. Романчук (Беларусь) выделил пять базовых блоков теории государственного интервенционизма: утилитаризм, теория рыночного равновесия, марксизм, теория экономического благосостояния, кейнсианство. Придерживаясь подхода австрийской школы, докладчик считает, что необходимо заменить теорию провалов рынка на теорию провалов государства. Запад потерял авторитет и статус «ролевой модели», доминирует большое и недисциплинированное государство, распространяется общий дух иждивенчества, наблюдается острый дефицит склонности к предпринимательству.

Доцент МГУ А. Раквиашвили рассмотрел проблемы и перспективы методологии экономических исследований. Проблемы — несоответствие критериям научности, имитация научности (исследования ради исследований, цитируемость, наукообразный язык), тавтология вместо методологии, игнорирование логики — можно преодолеть, если будет разработана новая исследовательская

программа и переосмыслен предмет исследования.

Все участники конференции с интересом ждали доклад профессора НИУ ВШЭ *В. Автономова* «Есть ли связь между экономической методологией и экономической политикой?». Макроэкономические концепции, появившиеся в последние 70 лет, можно разделить по онтологическим (вера или неверие в самодостаточность свободного рынка и соответственно в степень необходимость государственного вмешательства) и эпистемологическим (принятый уровень абстракции) критериям. Эпистемологический критерий делит макроэкономику на реалистическую (инженерную) и формалистическую (академическую). В более конкретных макроэкономических теориях наблюдается непосредственная связь с политикой; в абстрактных эта связь косвенная, на уровне идейной основы — общих принципов. Новым трендом развития теории может стать разработка формальных моделей неполной адекватности рыночной экономики и государственного вмешательства.

Г. Хюльсман (Университет Анжера, Франция) дал характерную для представителя австрийской экономической школы критику современной организации денежной системы. По его мнению, из-за ее наличия в США средние доходы занятых торговлей ценными бумагами в несколько раз превышают доходы в частном секторе.

Доцент Европейского гуманитарного университета *А. Ковалев* (Литва) отметил, что австрийская теория бизнес-цикла (АТБЦ) оказалась жизнеспособной в силу реалистичности методологии и гораздо большей приближенности к реальности по сравнению с другими школами экономической мысли. По его мнению, сторонники АТБЦ должны больше публиковаться в мейнстримовских журналах и всемерно популяризировать ее.

Доцент НИУ ВШЭ *И. Розмаинский* (Санкт-Петербург) проанализировал новую трактовку мотива предосторожности в спросе на деньги, динамика которого противоположна динамике спроса на производственные капиталные активы и выступает фундаментальной причиной циклических колебаний деловой активности. В условиях высокой неопределенности спрос по мотиву предосторожности предьявляется уже не на деньги, а на

суррогатные средства накопления. Если описанное поведение становится общераспространенным и устойчивым (что наблюдается в современной России), то экономика надолго оказывается в кризисе.

Выступления по второму направлению «Экономический анализ мировой экономики и международных отношений» открыл профессор НИУ ВШЭ *С. Кадочников* (Санкт-Петербург). Совместно с *А. Федюниной* он провел исследование, результаты которого показывают, что в 2002—2010 гг. в одной группе регионов росли объемы экспорта, а в другой группе расширялось товарное и географическое разнообразие; регионы с развитым университетским образованием более успешны в экспорте дифференцированных товаров, а устойчивость экспорта зависит от развития инфраструктуры.

М. Домбровский (CASE, Варшава) проанализировал факторы, ограничивающие рост мировой экономики в средне- и долгосрочной перспективе. В развитых странах барьерами выступают демографические тенденции, высокие трудовые издержки, неэластичность рынка труда, чрезмерная социальная нагрузка, высокие госрасходы и налоги, высокий госдолг, зарегулированность внутренних рынков. В странах с формирующимися рынками росту препятствуют плохой деловой климат и плохое качество госуправления, торговый протекционизм, популизм, чрезмерная социальная нагрузка, плохо таргетированная социальная поддержка, недостатки инфраструктуры и человеческого капитала, слабое развитие финансовых рынков, ограничения для иностранных инвестиций, большой государственный сектор.

Профессор НИУ ВШЭ *В. Матвеев* (Санкт-Петербург) исследовал роль промежуточных товаров в экономическом росте и мировой торговле. По его мнению, во взаимозависимом мире особую роль играют эластичность замещения промежуточных товаров и другие параметры производственной функции.

Профессор МГУ им. М. В. Ломоносова *В. Тамбовцев* и к.э.н. *Л. Валитова* рассчитали цену экономической свободы. Эконометрические расчеты показывают, что зависимость между ВНД на душу населения (зависимая переменная) и значением индекса свободы (EFW) достаточно сильная, и если бы правительство РФ изменяло не формальные параметры

правил, а повысило бы реальный уровень экономической свободы в стране, то подушевой ВНД мог бы вырастикратно.

Выступая в рамках направления «Социально-экономические процессы в российском обществе», профессор НИУ ВШЭ А. Скоробогатов (Санкт-Петербург) проанализировал зависимость возраста городов, объема истощаемых ресурсов и динамику душевого дохода в современной России. Профессор СПбГУКиИ П. Лукичев исследовал тенденции и противоречия современного потребительского выбора. По мнению М. Мацкевича (СИ РАН, Санкт-Петербург), снизилось значение проблем, характерных для второй половины 1990-х (инфляция, нищета, безработица, «экономическая катастрофа», «гражданская война», терроризм), а негативное восприятие реформ обусловлено тем, что именно граждане понимают под реформами. А. Шаститко, проанализировав опыт противодействия картелям в России, сделал вывод, что нельзя путать картельные эффекты с экономикой картелей как соглашений и надо помнить о традиции враждебности в антистрате, чтобы избежать ошибки «устрашения». По мнению директора института им. Ф. фон Хайека П. Усанова, Россия будет свободной только при правильном понимании свободы.

В заключение конференции выступили лауреаты международной Леонтьевской медали. С. Игнатьев считает, что правительство РФ должно проводить жесткую бюджетную политику, стараясь обеспечить низкие и стабильные темпы инфляции и поддерживать финансовую стабильность. Он подверг критике предложение в интересах экономического роста резко стимулировать кредитную активность российских банков или манипулировать курсом рубля. По мнению Игнатьева, на динамику роста оказывают влияние разные факторы.

1. В ближайшие пять-десять лет влияние демографической ситуации усилится, поскольку по прогнозам Минэкономразвития численность населения в трудоспособном возрасте будет сокращаться на 1,1% в год.

2. По мере приближения к уровню развития передовых стран экономический рост в России будет замедляться, поскольку создавать новые технологии и новые продукты всегда сложнее, чем использовать и производить уже известные.

3. Согласно официальным данным, расходы на национальную оборону в 2013 г. составили 3,2% ВВП, а в 2016 г. увеличатся до 3,9%. По сравнению с другими странами наши оборонные расходы высоки. В европейских странах НАТО «нормальным» считается объем военных расходов в размере 2% ВВП. У наших основных конкурентов на мировом рынке капитала — стран БРИКС — уровень оборонных расходов существенно ниже: в Индии — 2,5%, Китае — 1,7, Бразилии — 1,3%. Высокие оборонные расходы отвлекают национальные ресурсы от более производительного использования.

4. Для «мегапроектов» характерны неопределенность относительно оценки затрат и результатов и асимметрия влияния при принятии решения о реализации проекта — с одной стороны, лиц, заинтересованных в реализации проекта, и потенциальных противников — с другой. Если изменить структуру расходной части бюджета в пользу расходов, направленных на экономическое развитие, обеспечить жесткую публичную экспертизу крупных инвестиционных проектов, улучшить государственное регулирование экономики, то можно повысить среднегодовые темпы экономического роста до 3,5%. В этом случае доля России в мировом ВВП не будет снижаться.

В выступлении В. Клауса наибольший интерес представляла его оценка преобразований на пути от социализма к рыночной экономике. По его мнению, политики, вышедшие из научных кругов (как и он сам), очень быстро поняли, что все теории оптимальной последовательности реформенных мер были практически неприменимы.

Большинство экономистов знали, что нельзя либерализовать цены и внешнюю торговлю, не достигнув определенного уровня макроэкономического равновесия, иначе либерализация приведет к галопирующей инфляции или гиперинфляции вместе с огромным отрицательным сальдо платежного баланса. В Чехии была самая низкая инфляция, поскольку страна унаследовала относительно невысокий уровень макроэкономического неравновесия, а денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика была чрезвычайно осторожной: первый посткоммунистический государственный бюджет на 1990 г. был профицитным.

Вопрос о том, что сначала — реформы или формирование институциональной основы, остается спорным. Академические, оторванные от реальности экономисты, особенно приверженцы всех вариантов институциональной школы, политические оппоненты, резко настроенные против радикальных и фундаментальных системных изменений, верующие во все виды третьих путей и в то, что сложное человеческое сообщество можно эффективно и продуктивно вдохновить сверху, приводили разные аргументы. Они утверждали, что сначала нужно обеспечить «эффективную» институциональную основу, добиться верховенства закона со всей необходимой нормативно-правовой базой, обеспечивающей в первую очередь институты, а только потом развивать рыночную экономику. Сторонники этой точки зрения не видели или не хотели понять, что трансформационные мероприятия имеют объективно различные сроки исполнения, поэтому внедрение и реализация разных мер могут не совпадать во времени. Институциональное верховенство права должно развиваться, оно не может быть «внедрено». Чтобы довести его до совершенства, потребуются годы или десятилетия. Клаус подверг критике поведение западных коллег и внутренних оппонентов, которые хотели остаться в роли отстраненных комментаторов или сторонних наблюдателей.

Клаус считает политически заманчивой, но не существующей в реальности дилемму: шоковая терапия против градуализма. Все, кто был вовлечен в реальный процесс (а не просто комментировал или критиковал его), утверждают, что такого выбора никогда не существовало. В какой-то момент возникла необходимость осуществить ряд реформ, что для

граждан должно было стать явным признаком серьезных намерений изменить страну. После этого единственным уместным законом становится правило «реализовать любую подготовленную меру, как только появлялась возможность». Критику в адрес почти всех подлинных реформаторов как проводников «шоковой терапии» Клаус считает несправедливой. Градуализм не программа, а удобный способ избежать реальных преобразований, и продолжать подобного рода диспуты непродуктивно.

Во многих частях света постоянно возникает необходимость масштабных реформ. Европа нуждается не только в реформах, но и в немедленной глубокой системной перемене. Нынешние европейские проблемы не импортированы из-за рубежа, они не были вызваны непродуманными действиями и событиями в Греции или в любой другой стране Европейского Юга. Эти проблемы обусловлены тем, что европейская экономическая и социальная система, так называемая «*Soziale Marktwirtschaft*» — «социальная рыночная экономика» ограничивает возможности экономического роста. Централистская и бюрократическая европейская модель интеграции, основанная на идее «как можно более тесного союза европейских народов», губит разнообразие традиций и важнейшую европейскую ценность — демократию. Поэтому Европа должна сделать то, что в Чехии сделано 20 лет назад: изменить систему. Европе нужна революция, надо надеяться, бархатная.

Клаус пожелал Леонтьевскому центру найти успешных европейских реформаторов для будущих Леонтьевских медалей, что, по его мнению, непросто.

к. э. н. А. Заостровцев